

МОЛОДОЙ КОЛХОЗНИК

А.В.
Стр. 14

АПРЕЛЬ
1936

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

Завоеватели

Артем Веселый

Рис. Д. Даран

В верховьях реки Камы расположен Орел-городок. Крупный купец Никита Строганов прибрал городок к своим рукам. Он здесь полный хозяин. Приказчики Строганова издеваются над трудовым людом. Одного бедняка — Агалака — избил до полусмерти за то, что он пытался взять для себя гнилого судака.

Один из „работных людей“ Строганова — Мамыка — заступился за Агалака. Жить у хозяина после этого он не мог и убежал на Волгу — к казакам. Агалак сбежал в Сибирь.

В Орле-городке осталась невеста Мамыки — Лушка. Строганов пытается сделать ее своей любовницей, но безуспешно. Разгневанный купец отдает ее в монастырь. На монастырь нападает татарский князек Ишбердей и уводит Лушку с собой.

Приказчик Строганова Петрой Петрович с товарами плывет вниз по Волге. На него нападает ватага казацкого атамана Ярмага. Происходит схватка. Добро купеческое разграблено, Петрой Петрович с пустыми руками возвращается к Строганову.

Боясь нападения татар на свой городок, Строганов приглашает казаков к себе. Задарил, закармлил он их, и те ему стали надежной опорой.

Московский царь недоволен Строгановым. Он пишет купцу грозное письмо, обвиняя его в покровительстве разбойникам. Строганов ищет выхода и наконец рассказывает казакам о том, что на поимку их в Орел-городок идет царская рать.

Казаки решают плыть в Сибирь. Там они встречаются с войском хана Кучума...

Все это рассказано в двух предыдущих частях киноповести Артема Веселого «Завоеватели», напечатанной в №№ 6 и 7 „Молодого колхозника“.

КУЧУМ СОБИРАЕТ ВОЙСКА

Военное совещание собирается в юрте Кучума.

На призыв хана со всех сторон спешают смельцы и стояльцы за сибирскую державу. Верхами на оленях гонят самоеды. В лодках, подпряженных возовыми собаками, большим караваном идут остяки. Плынут нарымцы. На плотах и челнах плывут вогулы, вооруженные боевыми топорами и копьями. Толпою идут идоломольцы с огромными, расписанными, чудовищными харями, щитами. Волокут с собой огромного болвана, грубо рубленая морда которого до ушей измазана кровью и присохшей рыбьей чешуей. Кочевники ишимских и барабинских степей едут на конях. Каждый род под своим знаменем. У сотен различительные значки — ленты и лоскутья на длинных пиках. На древках двузубчатых копий развеваются пучки конских волос. Таежные охотники ведут за собой своры псов. За плечами рогадины, на поясах тяжелые чеканы с гвоздевым обухом. На косматых лошаденках в город входят алтайцы с луками из рогов буйвола и копьями. Входят с песней.

Каждое племя облюбовывает себе место для стана. Юрты, чумы, кони, верблюды.

Кучум с вождями племен в своей юрте. Богатое угощенье. Пир народов. Игрища. Богатыри похваляются силой. Борьба.

Остяки в лубяных масках ведут медвежий танец.

Зашитые в цельные конские шкуры табаринцы исполняют лошадиную пляску.

Молодые состязаются в беге и ловкости, мечут копыя.

Остяк Ях на полном скаку остановил пятилетнего оленя, накиннув ему на шею аркан. Другой силач вышталал дерево с корнем и с яру бросил его в реку.

Под конвоем проводят мимо русских лазутчиков Мамыку и других.

Состязание в стрельбе из лука. Один подкидывает шапку, другой стрелой попадает в шапку на лету. Седоусый старшина Мукей ножом затесывает на кедре зальсинку и, отойдя, пускает стрелу, она попадает в цель; второй стрелой он раскалывает первую, попав в ее тупие. Гул одобрения.

Кучум на коне едет по станам народов.

Татары, Агалак, Ишбердей. Ишбердей говорит что-то. Агалак перебивает его:

— Воевать не надо, бежать надо... У нас — копые и лук, у казаков — огонь и железные стрелы, что пробивают кольчуги навывлет.

Ишбердей:

— Казаков мало, нас много... Богатые подарки сулит хан Кучум.

Татары сурово молчат.

Садык говорит:

— Мы воевали с русскими в Лялинской волости, и они разбили нас — там лег мой старший сын, Хабибулла... Мы напали на русских у большого Янцаевского озера, и они разбили нас — там лег мой другой сын, Гариф... Я остался один среди баб и детей; убью меня — кто будет их кормить?

Ишбердей:

— Я.

Агалак:

— Ты?.. Ты сам рвешь из наших

ртов и кормишься с женами, собаками и родичами своими меж юрт наших.

Ишбердей своим копыя сшибает Агалака с ног, подвергает его самой позорной казни: ломает над головой Агалака лук и стрелу, приговаривая:

— Весь народ глядит в одну сторону, ты глядишь в другую сторону... Откочевывай от нас, живи один, пускай волки съедят тебя.

Толпа убивает русских лазутчиков. Подъезжает Кучум, и по его распоряжению живого еще Мамыку уланы уводят от толпы и запирают в стоящую на яру тюрьму — ветхую избенку, подпертую колыями.

Народы принимают присягу.

Самоеды в знак своей покорности целуют шучий нос и медвежью морду. Вогулы нюхают конец пики, лжут лезо окропленного кровью меча. Хлебопашцы кланутся с комом земли в руках. Алтайский князь, по своим обычаям, пьет воду с золота...

Гарем. Буйный танец Лушки. Входит Кучум. Лушка бросается к нему и радостно спрашивает:

— Казаки плывут?

Кучум грубо отталкивает ее и говорит что-то угрожающее.

В гарем входит татарка и что-то рассказывает окружающим ее женам хана. Татарка:

— Двоих забили, а один сидит.

Лушка отталкивает татарку в сторону и что-то расспрашивает.

Лушка переодевается в мужскую одежду и — вон.

Мамыка через решетку переругивается с уланом (часовым). Мимо проходит Лушка. Она узнала Мамыку, хотела подбежать но проходит мимо. Подкрадывается к темнице с другой стороны, кинжалом закалывает часового, выпускает Мамыку. Всю сцену видит проходящие мимо сибирцы, поднимают крик.

Мамыка с Лушкой бегут к реке, за ними погоня.

По Иртышу переплывает многотысячный косяк коней. Лушка и Мамыка по спинам коней перебегают на другой берег Иртыша и отрываются от своих преследователей.

БОЙ У ИРТЫША

Засвистала осень, ударили, грянули обломные ветра. Текут кусты, текут пески, гонимые дыханием ветров свирепых. Птица в перелет летит, зверь в перебег бежит, скатывается сом в омуты. Лысые стоят леса, ветер грабит лесов последнюю красу.

Казаки на берегу Иртыша. Греются у костров. Дерет понизовый ознобный ветер, ветер толчет волну, слепая волна хлещет в глинистый берег.

Где-то уже разыгрывают первые метели; вьясь, летят первые снежинки; колючая крупа засекает глаз.

Говор казаков:

— В беде сидим, бедой кутим.

— Горе наше тут гуляет.

— Не журишь, братья, завтра бой... Ударим — и Сибирь наша, или с коня и прямо в рай.

Ярмак с Мамыкой с вершины сосны оглядывают просторы Заиртышья. Далеко по Заиртышью двигаются конные лавы сибирцев. Ярмак отдает приказание. Караванный, задрав бороду, выслушивает атамана и опрометью бежит по стану, кричит:

— Поплыли!
Затормошили старшины и есаулы:
— Поплыли!
Казаки разбираются по ватагам, ссо-
ывают лодки на воду.

— Поплыли... Разбирай паруса, крепи
парусные подтяги.
Поплыли. Берегом пылит конная по-
лусотня Брязги.

В стругах дружная кипит работа: кто
воду вычерпывает, кто прочищает от
порохового нагара запал, кто вверты-
вает в пистолы новые кремни; точат ша-
шки и ножи, рубят свинец.

Ночь. Далекие огни сибирцев. По
гребню Чувашьева мыса — укрепление
Кучума перед городом — мотаются оди-
ночные всадники.

В шатре Ярмага — военное совеща-
ние.

Ярмак говорит:

— Сотникам и полусотникам быть
при своих ватагах неотлучно, биться
примерно — волос не жалеть!

У костров — казаки.

Занимается заря.

Ватага плывет. Берегом пылит конная
полусотня с Ярмаком.

Степь залита войском сибирским.
Двигаются толпы пеших. Едут на ар-
бах, верхами на оленях и верблюдах.
Конные уланы, под солнцем вспыхи-
вают концы копий и чешуя панцырей.

Сибирцы, утвердившись на своих ме-
стах, высылают навстречу казакам сво-
их задириков. Казаки из полусотни Яр-
мага вступают с теми охотниками в
словесную брань да мало-по-малу от
слов переходят к делу, размениваясь за
стрелу пистольной пулею, а кое-где
начинают заигрывать и врукопашную.
Прямо на казаков на лихом скакуне
несется пастух Садык и, воздев над
собой пустые руки, что-то кричит.

Ярмак, отделившись от полусотни,
скачет навстречу татарину.

Вдруг Садык, развернувшись, метнул
аркан. Миг — и он скачет прочь, волоча
за собой на туго натянутом аркане
казачьего атамана. Тот цапается за
кочки и кусты, но удержаться не мо-
жет.

Полусотня бросается на выручку сво-
его атамана. А с горы, потрясая копьями
и топорами, стремительно стекают толпы
сибирцев.

В казачьих стругах крестятся, гото-
вятся к жаркой битве.

— Трави запал!

Бьет пушка, за ней — другие. Кара-
ван окутывается дымом.

Меж тем Ярмак схватился за аркан,
подтянулся, сколько мог, да, изжевав
аркан, оторвался.

Сшиблись конные и — пошла потеха.

Струги с тяжелыми, ломовыми пуш-
ками поплыли в обход горы, а иные
струги повернули было к берегу, но
засели на мель. Мамыка шагнул через
борт. И другие полезли — где по ко-
лену, а где и по пояс в воде. С разве-
вающимися хоругвями выходят на бе-
рег.

Построившись клином, пищальники
двинулись вперед. За ними разверну-
лись сотни с пистольным, сабельным и
лучным боем.

Рядом с Мамыкой — Лушка.

Под засекой казаки встречены тучей
стрел, градом камней и метательных
копий. Дрогнули казаки, пятятся. Тяже-
лые струги гребутся в обрыв горы.

А сибирцы, сметив, что казаки в мало-
силе, разломали в нескольких местах
засеку и сами пошли на вылазку.

Из леса выскочила татарская отбор-
ная конница. Уланы крутили перед со-
бой шашками столь быстро, что за по-
током сверкающей стали, как за щитом,
лиц не было видно.

Молодой молодого пикой вышиб из
седла. Чья-то голова покатила под яр.

Кони топчут людей, сшибаются и гры-
зут друг друга.

Сотник Черкиз, зажимая левой рукой
выжженные глаза, идет прочь от места
битвы; в правой руке он все еще сжи-
мает рукоять расколотой шашки, иссе-
ченная в куски кольчуга держится на
одной лишь ременной перевязи.

Маметкул (татарин), засучив правый
рукав бешмета и проворно работая
шашкой, идет среди русских, как бы
купающаяся в волнах.

Стук и лом копейный, блеск и звяк
клинки, гул, вой, брань.

С обрыва падают в реку; стремитель-
ные воды Иртыша смешивают кровь
врагов.

Ярмак уже чортом носится по полю
на татарском скакуне; грозя окровавлен-
ной шашкою, кричит:

— Пошел на слом!

Казаки покрывают голосами своими
шум битвы:

— На слом! На слом!

Кидаются в атаку.

В тылу горы бьют ломовые пушки;
картечь косит густые ряды сибирцев.

По каменистому открытому склону
горы заметались и застонали народы,
охваченные отчаянием. Побежали са-
моседы. Побежали князя остяцкие со-
своими народами. Хлынули прочь идо-
ломольцы васюганских болот. Уланы
вплавь на конях уходят по Иртышу,
увозя на лодке израненного Маметкула.
Снимаются становища степных кочев-
ников.

Храбрые таежники разбегаются, точно
белки от пожара. Бежали вогулы на
резвых оленях. Бежали алтайцы и ба-
рабинцы, побежали и все иные, кто по-
бежать успел. Кучум с мурзами скачет
степью.

Казаки вступают в город.

На призыв хана со всех сторон спешают воины...

ПОБЕДИТЕЛИ ГУЛЯЮТ

Неслышной поступью на мягких лапах идет зима. Смирнен лежит Иртыш, во льды закован, снегами повит. На башнях перекликаются караульные. Казаки гуляют: пьяные, хохочущие катаются на розвальнях с горы, в обнимку шляются улицей и гаркают свои волжские и донские песни.

С'езжая изба. Пляска.

Князья сибирские переходят на службу к Ярмаку, за грошевые подарки предавая волю и достаток своих народов. Ишбердей и Бояр стоят перед воротами города. Караульный голова идет з'сезжую избу, докладывает Ярмаку.

Ишбердей и Бояр с подарками перед Ярмаком. Угощение.

Ярмак говорит:

— Служите мне и прямите, за то и я вас беречь буду и со всеми родичами от ясака освобожу.

Степью, тундрой и тайгой скакали казаки на конях, гоняли на собаках и оленях, собирая с народов ясаки.

Тундра. Мамыка с казаками на собачьей упряжке.

Казаки забирают мясо медвежье, мясо лосиное, рыбу вяленую и мороженую, забирают всю рухлядь (меха), все пожитки, и собак сводят, и оленей угощают, и все, что можно увезти, увозят — до штанов и шуб, кочевников оставляют в юртах нагих и голодных.

Мамыка находит Агалака, вставшего в крайнюю бедность. Всячески ободряет его и увозит с собой в город.

От свирепых завоевателей народы бежали к низовьям Оби и Енисея.

Брошенное становище. Юрты заматывает снегом. По тундре идет большой караван на оленях. В город приезжает Петрой Петрович.

Площадь в городе перед меховыми амбарами.

Ярмак говорит:

— Сибирь пуста. Хлебные амбары пусты. Думайте, чем будем головы кормить. Чувалы зеленые пусты, вовсе мало осталось ружейного припасу. Думайте, как будем воевать.

Казачий круг шумит. Голоса:

— В беде сидим, бедой кутим.

— Досидимся тут до того, что звери хищные пожрут оставшихся.

— К делу, к делу, братья!

— Мало уцелело казачьей силы, русские люди сюда надобны!

Ярмак:

— Не миновать нам, товариство, идти к царю с покором корму просить, ружейного припасу просить, людей в Сибирь просить.

Мамыка:

— Придут воеводы царицы пировать на наших костях... Не горько ли?

— Горько, горько!

— Под обух царя... Нечего молиться богу, кой не милует!

Ярмак:

— Уймись, горлохваты. Плох ли царь, хорош ли, а одной он с нами веры и одной земли.

Полухан:

— Не быль ты, атаман, в пытошной башне, а то иное бы заблял.

Судили, рядили да, оскудев разумом своим, порешили слать в Москву послов и соболей.

На той же площади дуваят меха: лучшие достаются царю, купцу Строганову «за доброту его», атаманам, самые плохие меха достаются казакам.

Ропот. Мамыка в кругу недовольных казаков — о чем-то уговариваются.

Ночь. Есаул Осташка Лаврентьев будит Ярмака:

— Проснись, атаман, против тебя зашептывается недоброе, и злоба уже просится в дело.

Ярмак поднимается и спрашивает:

— Кто?

Осташка отвечает:

— Мамыка, Агалак, Яшка Брень, Забалуй, черкас Полухан и иные.

Ярмак:

— Опять Мамыка? Опять Полухан? Ну ж погодите, сучьи дети, я вам побиваю рога!

Одевается, затыкает за пояс пистолеты.

С'езжая изба. За столом Мамыка, говорит:

— Пируют атаманы нашей кровью.

— Зарез, братья.

— Воды много, хлеба нет — без смерти смерть.

— Провались она пропадом, эта самая Сибирь!

— Слава...

— Славою сыт не будешь.

Входит Ярмак и стоит у порога, никем не замеченный.

Голоса:

— А по мне, дожидаться хорошего тепла — и на конях гайда на Волгу!

— Чего ждать? Смерть свою тут ищем.

Черкас Полухан:

— Царь рублем манит, грош дает — да за тот грош шкуру дерет. Ярмак сам хочет воеводою быть.

Мамыка:

— Нечего тут искать чужого, сиротить здешний край.

Ярмак проходит вперед.

Дерзкие голоса несутся ему навстречу:

— Мир!

— На Дон! На Волгу хотим!

— Будя кровавить руки!

— Завел нас, атаман, и продаешь за царевы калачи!

— Мир. Назад, на Русь. Какой год не слышим звона колокольного.

Ярмак:

— От вас ли слышу срамные речи? Давно ли целовали святой крест?

Голоса ропота:

— Легче, атаман, с пупа сорвешь!

— Ты грозен, да и мы ныне облютели.

Мамыка Ярмаку:

— Ты нас боем не страшай, мы ныне и сами медведя испужаем.

Черкас Полухан Ярмаку:

— Атаман, отец ты наш родной. Зачем мы сюда шли и чего тута нашли? Одежка поистрепалась, сапожники поизносились, волосенки свои порастеряли, пропада-а-а-а-а-а-а!

СИБИРЬ ПОКОРЕНА

По казачьему следу в Сибирь шла московская рать воеводы Васьки Сукина.

По дороге, среди гор и лесов, идет рать московская с обозами и пушками.

Мамыка, Агалак, черкас Полухан и иные, повздорив с атаманом, ушли на восход солнца, и следы их замыла вода, замела пурга...

По простору степи удаляется казачья ватажка.

Конец.

МОЛОДЫЕ

В октябре прошлого года у нас в колхозе организован клуб во рошиловских всадников. Сейчас в клубе занимаются 32 молодых казака и 3 девушки-казачки. Это лучшие наши колхозники. Они и работают хорошо, и кавалеристы отличные.

Возле колхозного клуба на площади устроен беговой круг протяжением в три километра. Тут мы и занимаемся.

По выходным дням ровно в 8 часов утра казаки собираются в клубе. Все они одеты в осовахиимовскую форму. Занятия начинаются без опозданий. Часть бойцов учится посадке, другая — рубке лозы, третья — стрельбе из винтовки. Колхоз выделил для клуба восемь лучших донских коней. Бойцы заботливо ухаживают за ними.

У нас в колхозе каждый бригадир старается, чтобы у него были лучшие кони. Три года назад мне дали с конефермы хорошую матку — рыжую чистокровную красавицу Зою. Она была жеребая. За ней требовался хороший уход. Я поставил ее к себе на двор. Скоро она принесла крепкого и бойкого жеребенка. Назвали мы его Зориком. Когда Зорика отняли от матки, я вернул Зою на конеферму и стал ухаживать за жеребенком. Кормил я своего питомца овсом, отрубями, бураками и самым хорошим сеном. Каждый день чистил его, выводил на прогулку и с радостью замечал, что он быстро растет. Когда ему исполнилось два года, я стал объезжать его. В колхозе все говорили, что мой гнедой жеребец будет самым лучшим скакуном. Так оно и вышло. Зорик оказался на редкость резвым и сильным конем. Зайдешь на конеферму, посмотришь на него — и сердце радуется: побольше бы нам таких коней!

Лихо ребята научились скакать, но всех лучше комсомолец Яша Шурупов.

Молодой казак В. Борщев, приехавший с группой казаков в Москву из станции Вешенской.